

# КУЛЬТУРА

**Х**ОТЯ мы были соседями по старому Тбилиси, каждый раз я опаздывал на сутки, взблесываясь по горбатов, взлетевшей к самому небу улочке Котэ Месхи. К дому номер семь, «к Параджанову», где он родился, вырос и жил после всех трех арестов, отнявших у него и мирового искусства 15 лет. Сначала меня встречали решетчатые металлические двери с пожелтевшими выклейками иностранных газет их аршинными заголовками: «Свободу Сергею Параджанову!» Позже на галерее ветер раскручивал беспризорные пестрые куклы — автора оперировали в Москве, — а я как раз только что прилетел оттуда... Не стало родственников, соседей, дворик опустел — Мастер успел за два дня снять первые (и последние) 300 метров своей уже посмертной «Исповеди» в Армении, а я только что сошел с тбилисского поезда.

Такая вот горькая получилась встреча: год назад плечом к плечу с сотнями ереванцев, земляков из грузинской столицы, киевлян, москвичей мне довелось сопровождать Сергея Иосифовича в его последнем путешествии. Из городской оперы до местного Пантеона. Здесь и расстались навсегда, оставив Сергея Параджанова рядом с Мартиросом Сарьяном, Уильямом Сарояном, Арамом Хачатуряном...

Когда в приемной республиканской больницы спросили домашний адрес Параджанова, его друзья растерялись: тбилисский дом уже был заперт на замок, а в ереванский он так и не успел вселиться. Долгие годы Сергей Иосифович обходился без прописки, работы и членского билета Союза кинематографистов, которые на свой страх и риск вдали от брежневской Старой площади и Лубянки ему вернул Эдуард Шеварднадзе, тогда находившийся у власти в Грузии. До сих пор остается тайной, что (или кто) помещало сделать то же самое руководителям Армении, главам творческих союзов республики. Уверен, у некоторых из них, объявивших Параджанова, своего великого соотечественника, «персона нон грата», теперь кошки скребут на душе. Но для покойника — слишком поздно. Параджанов стал уходить из жизни не после операции в московской клинике, не после реабилитационного курса лечения в парижском госпитале «Сен-Луи». Его врачи не могли знать, что родительский дом на Котэ Месхи был для Параджанова безразмерной, спасительной кислородной подушкой. Директор музея народного творчества Завен Саркисян регулярно курсировал между Ереваном и Тбилиси, где в жутком одиночестве, без чьего-либо постоянного ухода лежал (простите за подробности, но все домашние удобства располагались

во дворе, куда еще надо было спуститься по крутой лестнице) беспомощный Параджанов.

А ведь еще недавно здесь двери не запирались — в любой час дня или ночи сюда приходило несметное количество разноязычных друзей и их гостей, поклонников и стукачей, просто зевак. Параджанов угощал всех подряд. Да так, что из этих восторженных воспоминаний можно, наверно, сегодня собрать тома о посещениях фантастического дома на горе Мтацминда. Здесь он ежедневно, с

Труда. — 1991.  
26 сент.  
С. 6.

## ДОМ ПАРАДЖАНОВА

### Запоздалое признание в любви к выдающемуся художнику

короткими перерывами для смены декораций (экзотические посуда, еда, одежда), устраивал бесподобные спектакли-экспромты. Теперь рассказы о них распространяются по всему миру.

Волею судьбы третий год моя ежедневная дорога из гостиницы в ереванский корпункт «Труда» и обратно проходит мимо нового храма Параджанова — его музея, небольшого двухэтажного здания в стиле ретро, с балконами, висящими над Разданским ущельем, здания, во многом напоминающего наши старинные тбилисские дома. Насколько мне стало известно, Сергей Параджанов мечтал собственноручно обустроить свое долгожданное жилище. Незадолго до кончины он успел-таки нарисовать нечто вроде плана-макета: где и что повесить, положить, написать, подклеить...

Год назад в директорском кабинете З. Саркисяна я едва нашел место, чтобы присесть. Глаза разбегались при виде бесчисленных свидетельств параджановской неповторимости — старинные лампы, шкафы, гардероб, зеркало, купленное Параджановым специально для своего дома, множество фотоальбомов — дневников, папки с тюремной перепиской, коллажи, куклы, рисунки, натюрморты, около 30 сценариев и либретто неосуществленных постановок в кино, театре и балете...

Здесь я должен обязательно покаяться: в заметке годичной давности, опубликованной на страницах «Труда», всю свою человеческую боль и обиду за преждевременный уход Параджанова я выместил на ереванских строителях. Справедливо-сти ради должен заметить, что

двухэтажный особняк в этнографическом районе Дзорагюх армянской столицы был возведен еще лет... десять назад. Первоначально он планировался под жилье «типичного» обитателя этого отнюдь не пролетарского квартала Еревана, затем дом решили переделать в фамильную мастерскую резчиков по дереву. Спасибо бывшему мэру, который накануне парламентских выборов, узнав о неизлимых недугах бездомного Мастера, публично сделал благородный и одновременно

хорошо рассчитанный жест, пообещав родным и друзьям Сергея Иосифовича подготовить грандиозный подарок к его 67-летию.

Строителям ничего не оставалось, как в кратчайшие сроки подготовить к открытию дом-музей самобытного, неповторимого Мастера — режиссера, драматурга, художника и актера-исполнителя своих устных новелл.

Свидетельствую: чуть ли не всю ночь (не одну и не две) горел свет в окнах будущего дома Параджанова в жаркие летние дни, когда в страшном цейтноте Завен Саркисян, Гарегин Законян, Левон Абрамян и другие ереванские соратники Сергея Иосифовича с безупречным вкусом обставили необычайно оригинальную экспозицию. Она открылась в последние июльские дни в присутствии родных, коллег и учеников, приехавших отовсюду в армянскую столицу, чтобы помянуть Сергея Иосифовича в годовщину его кончины.

В верхнем этаже они увидели спальню с шутилой табличкой «вход только для белых», рабочий кабинет и гостиную Параджанова, чуть ли не в деталях скопированные с тбилисского дома. К великому сожалению, Мастер так и не успел обжить в ереванских апартаментах, где, кроме множества выставочных комнат, есть два дворика с фонтанчиком родниковой воды — «У Параджанова».

Лучше поздно, чем никогда... Армения начинает возвращать нравственный долг своему великому сыну. Кто бы мог подумать еще года три-четыре назад, что по предложению

председателя правления Армянского фонда культуры, народного депутата, писателя Вардгеса Петросяна новый, демократически избранный парламент республики на второй день работы прервет дебаты, чтобы минутой молчания стоя почтить память художника. В Париже Параджанов успел увидеть газеты из Еревана с Указом Верховного Совета республики о присвоении ему звания «Народный артист Армении». В прошлом году такой же запоздало благородный шаг предприняла Украина. Впрочем, «игры» в давно девальвированные звания и почести всегда были чужды Мастеру. Ведь с опозданием на 20 (двадцать!) лет Параджанову было присвоено звание лауреата Государственной премии Армении за бессмертный фильм «Цвет граната». Кстати, диплом лауреата и значок до сих пор пылятся в сейфе местного горчиновника от культуры, а денежную часть Параджанов тут же передал беженцам из Азербайджана.

Тем не менее не хочется крикнуть душой и завершить эти субъективные заметки «хэппи эндом». И до, и после торжественного открытия музея я неоднократно заходил в «гости» к Параджанову. Красоты праздников, столь редких сегодня, очень хотелось — и все это получал сполна. Вроде бы все на месте...

И все-таки каждый раз, когда я уходил из ереванского дома Параджанова, мне чего-то не хватало, что-то во мне вызвало душевный дискомфорт. Нет-нет, авторы экспозиции тут ни при чем: они сделали даже больше, чем могли. Наконец понял, остановившись как вкопанный перед веревочками, ограждающими декоративные жилые комнаты параджановского музея от назойливых посетителей. Завсегдатаи тбилисского дома никогда не видели, не замечали каких-либо «веревочек»...

...Его давнишний друг Георгий Давыдов, отвозивший полуживого Параджанова в Париж, незадолго до открытия ереванского музея признался мне, что сохранил посмертную маску Сергея Иосифовича. Вероятно, я ошибаюсь, но когда бесценные экспонаты заменят десяток красочных киноафиш, когда голые висячие балконы чем-то напомнят тбилисскую галерею на Котэ Месхи, тогда любой посетитель музея превратится в очередного, пусть и запоздалого, гостя Сергея Параджанова. Скорее всего именно тогда в его новом доме засияет бесподобный Дух Параджанова, из плена которого невозможно вырваться. Да и незачем: на правах земляка-тбилисца остаюсь его добровольным узником. Мы не прощаемся...

Г. КАРАПЕТАН,  
соб. корр. «Труда».  
ТБИЛИСИ—ЕРЕВАН.